

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ СУБСТРАТНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН

© 2008 *Е.Л. Калинина*

Воронежский государственный университет

Топонимы, представляя собой значительный по объему и важный по функциональному назначению пласт лексики, являются неотъемлемой составляющей любого естественного языка. Возникновение и развитие географических названий связано с культурным опытом народа и определяется основными закономерностями формирования его концептуальной системы, поэтому в каждом географическом имени запечатлевается одна из граней национальной концептосферы. Придерживаясь позиции Ю. С. Степанова, в составе концепта, репрезентируемого топонимом, выделяем соответственно три слоя:

- 1) «активный» понятийный слой;
- 2) дополнительные, исторические признаки содержания;
- 3) внутренняя форма названия [9].

Географическая номенклатура любой территории «создавалась постепенно и является многослойным образованием, всегда состоящим из разновозрастных и разноязычных элементов» [5, 15]. В научной терминологии результат ассимиляции аборигенных географических названий языком новых насельников получил название топонимического субстрата. Процесс включения субстрата в новую топонимическую систему связан с деэтимологизацией иноязычных географических названий, и как следствие – с опустошением концептуального слоя, реализующегося во внутренней форме. Таким образом, в распоряжении коммуникантов остаются лишь звуковые (графические) оболочки, а первообразная семантика и концептуальное пространство субстратных имен выражаются пустотой (лакуной).

Лакуна (от лат. углубление, пустота, брешь), представляя собой виртуальную лексическую единицу, выступает в системе языка в статусе нулевой лексемы [2, 19]. В случае с субстратными топонимами все наоборот – лексема есть, но ей придано иное значение – быть номенклатурным термином, обозначающим класс предметов (го-

род, село, долина, озеро, река и т. д.). Подобный вид лакун квалифицируется исследователями как межъязыковые конфронтативные лакуны, обусловленные дрейфом двух различных культур [8, 23]. Языковой знак – это своего рода «включатель»: он включает концепт в нашем сознании, активизируя в целом и «запуская» его в процесс мышления [7, 38-39], а при наличии пустоты в концептуальной сфере возникает тенденция к ее заполнению (элиминированию).

Для выявления особенностей элиминирования концептуальных конфронтативных лакун, связанных с субстратными топонимами, был проведен свободный ассоциативный эксперимент.

Материалом исследования послужили названия населенных пунктов (ойконимы) Амурской области, восходящие к языкам коренных народов. По данным исторических источников, в дорусский период Приамурье населяли племена тунгусо-маньчжурского происхождения: дауры, дючеры, эвенки, манегры, гогулы, ачаны, натки, гиляки и др. [1, 24; 6, 9]. Учитывая важнейший принцип формирования субстратной топонимии – длительные условия двуязычия и совместного хозяйствования народов на одной территории, – необходимо отметить, что основным источником передачи субстратных имен русскому населению явился эвенкийский этнос.

Исследование проводилось при непосредственном обращении к восприятию амурчан, т. е. именно для этой части носителей языка существует общее прагматическое и когнитивное пространство, в котором актуализируются репрезентируемые региональными субстратными топонимами концепты. Эксперимент охватывал жителей Благовещенского, Зейского, Тындинского, Селемджинского районов (800 человек) и осуществлялся в двух вариантах: в «приближенном» и «отдаленном». Под «приближенной» формой подразумевается опрос жителей того района, в котором функционируют предлагаемые в анкете ойконимы (Зейский, Тындинский, Селемджин-

ский); под «отдаленной» формой понимается опрос амурчан, которым в качестве стимулов предлагаются названия, функционирующие в соседних районах или в области.

Формулировка задания к эксперименту звучала следующим образом: «Какие ассоциации вызывает у вас данное название? Ответьте первым пришедшим в голову словом (или несколькими словами)». В качестве стимулов предлагались ойконимы с тунгусо-маньчжурской основой.

В ходе эксперимента мы опирались на метод анализа структуры ассоциативных полей, разработанный А. А. Залевской [3; 4], интерпретируя его с учетом целей нашего исследования. На основе полученных реакций выделялась типология ассоциаций, соответствующих концептуальным слоям, и определялась структура ассоциативного поля.

В результате эксперимента выявлено 18218 реакций. Анализ частотности каждого типа реакций позволяет реконструировать ассоциативное поле названия, выявив ядро, центральную зону и периферию.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные в результате эксперимента ассоциации относятся к четырем типам:

1) ассоциации, соотносимые с основным содержанием концепта, например, Зея – город; Унаха – станция; Бомнак – село;

2) ассоциации, соотносимые с концептуальным слоем дополнительной информации, например, Зея – ГЭС, плотина, фабрика, БАМ, комсомольское движение, «Стройка века», водохранилище, газета;

3) ассоциации, соотносимые со фонетическим обликом названия, например, Бысса – бусы; Джалинда – жалость; Джелтулак – кулак, желток, желтый, желоб; Дюгабуль – багульник; Иса – лиса; Кувыкта – кувырок, выкат; Кимакиляк – хиляк, хильый;

4) ассоциации, однозначно не соотносимые ни с одним концептуальным слоем, например, Дипкун – путь, карьера; Кимакиляк – ловля рыбы; Кувыкта – болотистое место; Татаул – глухое место; Экимчан – ответственный, важный; Зея – давний.

Ядро ассоциативного поля содержит наиболее значимые, неоднократно повторяющиеся ассоциации, в данном эксперименте имеющие более десяти фиксаций. В центральной зоне ассоциативного поля ойконима-стимула находятся ассоциации с частотностью от пяти до десяти фиксаций. Ассоциации частотой менее пяти фиксаций относятся к периферийной зоне поля.

Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что потенциально в ядре ассоциативных полей

всех субстратных ойконимов находятся понятийные ассоциации, поскольку они составляют семантическую и концептуальную основу названия. Невысокая, но стабильная частотность данного типа ассоциаций – в среднем до 10 % – подтверждает их безусловную выраженность в структуре концепта.

В ядерную часть ассоциативных полей практически всех ойконимов (исключение – г. Зея) входят фонетические ассоциации, которые занимают также значительные доли центральной и периферической зон. К фонетическому типу относится большая часть зафиксированных в ходе эксперимента реакций. С их помощью осуществляется элиминирование концептуальных фронтативных лакун и, соответственно, адаптация иноязычных географических названий в новой этнокультурной среде.

Ассоциации энциклопедического плана в целом составляют незначительную часть ядерной и центральной зон. По сравнению с фонетическими реакциями, их частотность низка и зависит от ряда факторов, главным из которых является территориальная приближенность названия к носителям языка. Обращает на себя внимание определенная закономерность: чем крупнее и известнее в масштабах области населенный пункт, обозначаемый ойконимом, тем большее число энциклопедических ассоциаций включает структура его ассоциативного поля. Так, например, энциклопедические ассоциации в структуре ассоциативного поля широко известного амурчанам города Зея распределяются следующим образом: ядерная зона – 93 %; центральная зона – 100 %; периферийная зона – 73 % (ср. энциклопедические ассоциации в структуре ассоциативного поля мало известного поселка Ларба: ядерная зона – 2 %; центральная зона – 0 %; периферийная зона – 0 %).

В результате анализа данных «приблизительно» варианта эксперимента в структуре ассоциативных полей ойконимов было зафиксировано большее количество ассоциаций энциклопедического типа, в том числе и на основе личных впечатлений испытуемых, их жизненного опыта, чем в «отдаленном» варианте: Экимчан – мой дом; Токур – красивые места, таежный, тайга, северная природа; Стойба – трудно проехать; Утугай – гости, поездка; Огорон – командировка; Алгач – охота; Бомнак – Бомназия, эвенкийская сторона; Умлекан – маленькая деревня, глухомань, мало домов и др.

Результаты «отдаленного» варианта эксперимента демонстрируют преобладание ассоциаций фонетического типа. Энциклопедические ассоциации связываются либо с наиболее общими представлениями, типа Тында – север, холод, зима, либо с актуальной для всех жителей области информацией типа Зея – ГЭС, плотина, река и т.п.

Указанные тенденции характерны для большинства ойконимов. При стабильности общей типологической структуры ассоциативных полей их индивидуальное наполнение зависит от многих факторов: возраста, национальности, жизненного опыта, уровня образования, профессиональной принадлежности, места проживания информанта. Как свидетельствуют результаты эксперимента, наиболее значимым в этом списке является территориальный критерий. Он играет первостепенную роль в наполнении концептуального слоя, который соотносится с дополнительной энциклопедической информацией. Именно жителям того района, в котором активно функционирует географическое имя, известны подробные сведения о нем.

Интерпретация полученных данных позволяет судить о внутриязыковых и внеязыковых причинах лексического ассоциирования, определяющих, в свою очередь, структуру ассоциативных полей и связи между элементами в составе концепта, репрезентируемого субстратным топонимом. Как правило, единицы ядра и центра ассоциативного поля, представляя стандартные реакции, сохраняют устойчивость своего состава на протяжении длительного периода времени. Их изменение может быть связано с глобальными сдвигами в сфере культурных представлений и социальных приоритетов общества. Элементы периферии подвержены большей интенсивности изменений, т. к. представляют индивидуальные, часто единичные реакции, связанные с личностными характеристиками испытуемых.

Субстратные топонимы – это своеобразные «реликты» древних культур и языков, которые в прошлом были тесно связаны с традициями, религией, эстетическими, идеологическими ценностями народа-создателя. В процессе функционирования в иной языковой и культурной среде внутренняя форма субстратных названий редуцируется, в сознании носителей языка возникают новые ассоциации, на основе которых меняется концептуальное наполнение имен, и, таким образом, иноязычные топонимы включаются в сферу новой культуры.

Ассоциативный эксперимент, выявляя пространство ассоциирования (ассоциативное поле), «высвечивая» дополнительные признаки содержания, фиксирует актуальное для человека концептуальное наполнение географического названия, активно функционирующего в региональной этнокультурной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амурская область. Опыт энциклопедического словаря / Науч. ред. В. В. Воробьев, А. П. Деревянко, ред.-сост. Н. К. Шульман. – Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1989.
2. Быкова Г. В. Выявление внутриязыковых лагун (на материале русского языка) / Г. В. Быкова. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 1999. – 76 с.
3. Залевская А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 382 с.
4. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование / А. А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. – 208 с.
5. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики / Э. М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.
6. Новиков-Даурский Г. С. Приамурье в древности / Г. С. Новиков-Даурский // Записки. Амурской областной краеведческий музей: Сб. науч. трудов. Вып. 2 / Гл. ред. В. П. Малышев. – Благовещенск: Амурское книжное издательство, 1953. – С. 3-10.
7. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. – 191 с.
8. Сорокин Ю. А. Лагуны как сигналы специфики лингвокультурной общности / Ю. А. Сорокин // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР: Сб. науч. тр. – М., 1982. – С. 22-28.
9. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.